

Олег МОШНИКОВ

г. Петрозаводск

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

СЕКРЕТ

«Бороться и искать, найти и не сдаваться» – девиз из книги Вениамина Каверина «Два капитана» нашел свое продолжение, несколько укороченное и невоинственное, в моих детских изысканиях. Именно изысканиях. Ибо из всего девиза я пользовал только слова «искать» и «найти». Я искал на загадочных чердаках, пустырях и свалках «пиратские клады» и находил там всякие интересные вещи – старые горшки, блюда, примусы и даже патефоны. Искал под яблонями в детском саду прикопанные землей «секретики» и сам зарывал в песочнице карамельные фанты, притомленные цветным бутылочным стеклышком... Позже мне не раз приходилось сидеть в «военном секрете» – скрытой засаде, где я высматривал сегодняшнего, по правилам игры, «противника» – немца или белогвардейца, пытавшегося проскочить мимо наших позиций в березовой роще или на детсадовской веранде.

Чтобы пополнить боеприпасы, я искал вдоль «фронтовых» дорог проволочные пульты для стрельбы из деревянной аркебузы и мимоходом примечал нарисованные на асфальте, стенах и заборах меловые стрелки – неизменные знаки игры в «казаков-разбойников». Примерно в эти же годы я собирал и

плющил жестяные пивные пробки – для игры в «бабки». Когда от попадания метким камешком сложенные в стопочку пробки переворачивались определенным образом, я в очередной раз оказывался в проигрыше... Мастерство сапера, опыт разведчика и снайперские навыки как нельзя кстати подходили к моему воинственному дошкольному виду, когда я выходил во двор в майке, коротких штанишках и кирзовых сапогах самого маленького размера. «Солдатских», как я их тогда величал. Не знаю, где и каким образом маме удавалось их тогда доставать. Сия амуниция была необходима для игры в «войнушку». Пусть даже в тот день мне и досталась участь немецкого постового. Зато в следующий раз я в первых рядах советских автоматчиков брал фашистский штаб!

Играл я, играл – и доигрался... После срочной службы окончил военное училище. Стал всамделишным офицером. Дослужился до полковничих звезд. А все равно – в глубине души остался доверчивым любознательным дошколенком и совсем не военным человеком. Не ушло никуда мое наивное, романтическое восприятие жизни. И наверное это счастье – иметь неоткрытый собственный зарытый в детской песочнице «секрет» с подложенной под стеклышко бумажкой, где еще можно ра-

зобрать несколько слов знаменитого капитанского девиза – «Бороться... и не сдаваться».

*Таинственный, неведомый, лучистый...
Под стёклышком, в утоптанной земле –
Сокрыт «секрет» всей бесконечной жизни,
Раскрой его – и можно обомлеть
От серебринок, лучиков, узоров
Обёрток от печенья и конфет –
Протри стекло – и просветлеют взоры...
Ах, как велик тот маленький «секрет»!
Я с давних пор, в его открытья веря,
Пригоршней буквц присыпаю лист:
Тайник души заветный – не потеряю,
Со стеклышка стряхнет песчинки жизнь.*

ГАРМОШКА

Смешно. Сколько лет таскаю за спиной шарабан, а все кажется – несу гармошку. Гармошка привычной. Сызмальства отец приучил. «Золотые планки» и в армии пригодились, и в институте. Мне уже за пятьдесят, на дворе XXI век, а на посиделках – тесным кругом – в Карельской академии наук, где я старшим научным сотрудником работаю, нет-нет да и попросят на гармонике сыграть. Молодежи в диковинку, старикам – на радость. Вон один из стариков, «матерый человечеще» впереди меня по льду чешет – Андрей Андреевич Волков. Завсектором. Доктор наук. А на пять лет меня моложе! Заядлый рыбак... Мы с ним, как Робинзон и Пятница, в летний отпуск в Заонежье на Кижских островках счастье рыбачье ищем. На моей малой родине. А то и по работе там бываем: в Толвуе, Великой Губе, Сенной, Кондобережской, Жарниково. Андрей секцией языкознания заведует, топонимику изучает. А я заонежским фольклором интересуюсь, кандидатскую вот защитил. Хотя какой из меня ученый? Был я парнишка деревенский, таким и остался. И как найду где, гостюя, в прибрежной деревеньке гармошку, так сразу руки к ней тянутся, а душа ликует. Меня знакомые в Заонежье так и величают – Мошка-гармошка. Звать-то меня Алексей Мошин – отсюда и прозвище...

Зимой мы с Андреем на его «Ниве» за Гимреку ездим. Далековато, конечно, да и улов не тот уж. А ближе и вовсе баловство. Рыба отнереститься не успевает – все протоки сетками браконьерскими перерожены, да в несколько рядов. Теперь – всякий рыбак. Ни рыбы не зная, ни повадок ее. Зимой – потрудиться надо, пошагать, во льду дырок насверлить. Летом – лафа. Накупил китайской дешевой снасти, и на природу – «рыбачить». Сначала «поддать» для храбрости и сугреву, потом с песнями и гиканьем

устроить гонки на катерах, в сутемь сетки побросать как попало и к шалашу, как говорится, отметить удачное начало. Утром не каждый и встанет. Облюют зеленый свой пятачок, загадят. Голова гудит. Сердце с переборами бьётся... Какая там рыба! Опохмелиться – и домой. Отдохнули классно, легкие размяли, по бабе соскучились – чем не праздник. А в сетях брошенных рыба гниет, другая на места нерестовые, родительские, заветные пробиться не может. Хуже фашистов! А, что говорить...

От дум невеселых – подледная рыбалка первостепенное средство. Ранним, нехотя светлеющим утром – Шелтозеро, Рыбреку проехали. Не доезжая Щелеек, свернули на берег Онего. Озеро светлое, почти бесснежное, ветром выметенное. Легкая поземка вдоль берега стелется. Волков поздоровей меня будет, в плечах пошире, кроме шарабана колесоворот тащит. Идет шибко. Не оглядывается. И я себя подгоняю: поспевай, Мошка-гармошка, а то товарищ первым заветную луду на уловистость попробует. А в это время откуда ни возьмись ветер поднялся сильный, настоящий буран. Я Андрея по плечу похлопал: мол, поворачиваем назад. Тот тоже смекнул – непогодь переждать надо, и повернул к машине. Идет, как и шел, быстро, целеустремленно, поправки на ветер не делает. И тут как на грех шубенка у меня с руки соскочила. Пока искал, шарабан поправлял, шапку поглубже натягивал – моего Пятницу Митька прят. Не видно, не слышно – хоть ором кричи. Разозлившаяся метель все звуки крадет. Спеленатый ветром и снегом, пошел я куда глаза глядят. А вокруг ни следочка, ни вешки – лед как зеркало, чистый, ровный. Я одно направление выбрал, потом другое. Счет времени потерял. Поди, не один час блуждал по озеру. Падал. Вставал. И снова упорно шел вперед, пока не понял, что ужохо от берега. Открытое Онего – это тебе не шутки. Это 80, а то и все 200 километров застывшей, равнодушной, белой пустыни. Присев на шарабан, подставил я спину порывам ветра и вытянул гудящие от напряжения ноги. Главное, не паниковать. Главное... Телефон! У меня же сотовый в кармане! Куколка моя! Достал телефон, нажимаю сигнал. Связи нет... Ну, ничего – здесь нет, в другом месте обязательно найдется. Вот только посижу немного, отдохну...

Отец вспомнился. Был и у него такой случай. В середине пятидесятых возвращался он в Великую Губу со свадьбы, как всегда, с гармошкой, как всегда, по ледяному озеру. А в пути его метель застала. Батя – к берегу. Пытался в бочке смолокуров укрыться – чувствует – замерзает, в сон клонит. Гармошку на плечо и дальше – через силу, через ветер – пошел. Уницкий залив одолел. Дошел до Черкас, а там – лесопункт. Согрелся отец у печурки, подсел к столу,

развернул гармонику! Да тут, пока лесорубы сидоры свои для общего ужина доставали, прямо за столом и уснул... А мне сейчас спать нельзя! Я что, слабее отца?! Я еще не раз тальянку во все меха душевные растяну! Только идти надо, идти!

Поднял шарабан, распрямил оковеневшие колени, встряхнул оледеневший тулуп и – пошел, как и давеча, сначала в одну, потом в другую сторону. Иду, пурга глаза залепляет, за воротник лезет, от ледяного ветра никакого спасения, иные порывы с ног валят. Вдруг впереди берег лесистый завиднелся – кинулся я к нему со всей мочи. Ан нет – не берег это. Мираж. Так вихревой снежный поток на зеркальном льду отражается. После еще не раз я этот обманный берег вдаль видел. Тело совсем заковано. Сердце холодом сковало, страхом: а вдруг не дойду? От отчаянья руки опускаются, ноги не идут.

И такое блаженное равнодушие меня посетило – нирвана, ей-богу! Присел я на шарабан, прикрыл глаза – и в этой замечательной пустоте, будто тени причудливые, картинки из детства медленно движутся. В Песках под Петрозаводском – мы с двоюродным братом. В предзакатной тишине собираем в дядькину весельную лодку удочки, самоловки, в теплой воде под камнями ищем ручейников в песчаных коконах. В легком надводном молозиве отплываем от берега, тихо плещется вода, чуть поскрипывают уключины. Вплываем в туман. Густой. Молочный. Нам весело и сказочно, с кормы почти не видно полуразмытого носа, нет границ и очертаний, нет света и тени, только плавные переходы на атомы разобранного пространства незнакомых, потусторонних, полуразложившихся вещей: удочек, весел, сапог, банки с наживкой. Пространства много, а берега нет – куда плыть, не знаем. До кровавых мозолей, сменяясь, утирая слезы, бьем веслами по воде. Кричим, но звук опадает у бортов лодки, не в силах преодолеть этот неземной, похожий на ватный, кокон. Мало ли, много ли времени прошло – впереди две скалы показались. Не скалы – валуны. Это они в тумане в размерах выросли. Вышли на берег – осмотрелись. А позади валунов огромная отвесная скала – Чертов Стул. Древнее шаманское капище. Так вот что лодку нашу к себе притянуло как магнитом. То ли поиграло с нами, то ли спасло, поди разберись. От Чертова Стула, держась берега, мы быстро до Песков добрались. Туман обманули. Но то – туман. А тут... Со всех сторон завируха. Высокие регистры метельной гармоники застыли на одном заунывном звуке. Чистый бесснежный лед не оставляет дорожки обратных следов, не оставляет надежды укрыться от стылого ветра. Найти человека в буранном Онеге – пропащее дело. Вдруг – на берегу оче-

редного сонного взвихренного миража – сотовый проснулся, пискнул, забился под сердцем ожившим птенцом. Вытащив телефон негнущимися пальцами, услышал я голос сына:

– Папа, ты где?! Почему вне связи, почему не отвечаешь?

– Сынок, сынок, – шепчу я непослушными губами, – я на Онежском озере, попал в буран, свяжись с МЧС... Со спасателями свяжись! Скажи, что помощи батяня просит. Берега не найду!

– Да, пап! Сообщу! Ты, батя, держись, держись!

И точно, через некоторое время спасатели до меня дозвонились. Мол, с места не сходи, будь на связи. Они сейчас с коллегами из МЧС Ленинградской области свяжутся...

– Алексей Павлович! Это сотрудник МЧС Быков. Где вы находитесь? Сколько времени назад из Щелеек вышли? Так... Я вижу, что ветер восточный, как раз от Щелеек дует. Идите на ветер, который сильнее и продолжительнее всех будет! Переждите на месте, если он поменяет направление, а потом снова на него идите! На берегу вас встретят! Не тратьте зарядку телефона, я сам с вами свяжусь! Все, до связи!

Идти на ветер, идти на ветер... Уже и ног не чувствую. Гармошка, то есть шарабан, будто песком набит, а не двумя гремющими в морозной пустоте удильниками-«балалайками». Разве что на время повернуться спиной к ветру, подышать на побелевшие пальцы, отереть онемевшее лицо. А ветер под руки подхватывает, толкает вперед. Кажется, еще чуть-чуть – и с заснеженной автобусной остановки заждавшаяся толпа сама увлечет тебя вовнутрь теплого автобуса, стянутого посередине резиновой «гармошкой»... Но надо выходить, надо поворачиваться сквозь плечи и спины тесно стоящих людей, надо идти на ветер... на покачивающийся впереди, пробивающийся сквозь снежную кутерьму круглый береговой огонек...

Я вышел на мыс Подщелье, где стоял без водителя и светил фарами не заглушенный спасательский узик с прицепом. В тепло протопленном салоне, спящего, и нашел меня инспектор МЧС, который на «Буране» объезжал берег бухты до Чейнаволоцкого мыса и обратно. Проснулся я в Щелейках, когда радостный доктор наук, растормошив меня, станцевал перед крыльцом деревенской избы шаманский танец победителя, воздевая руки к небу и громко восклицая. Ветер, напротив, затих, и метель, перестав кружить, словно длинная меховая накидка первобытной танцовщицы, мягко опустилась на долгий озерный берег.

ЗНАЧЕНИЕ ПОБЕДЫ

В стародавние советские времена в торжественных, украшенных колоннами и лепниной городских кинотеатрах «Сампо» и «Победа» перед сеансом в фойе на небольшом экране показывали короткие киножурналы, документальные фильмы, отрывки известных экранизаций, рассчитанных на «неувядающий» интерес подрастающего поколения к отечественной классике. Многие слоняющиеся без дела школяры, увлеченные сюжетной линией «Войны и мира», «Судьбы человека», «Тихого Дона», «Овода», оставались в фойе до окончания неожиданно увлекательного показа, последними заскакивая в большой просмотровый зал под недовольные окрики билетерш.

Обрушенные несколько лет назад бульдозерами колонны довоенного кинотеатра «Сампо» – Мельницы Счастья из карело-финского эпоса «Калевала» – были вытеснены из памяти юных горожан новыми тесными пятиэтажками... «Победа» лишилась своего гордого названия, красочных афиш и истинного предназначения – став молодежным клубом, баром, «кислотной» дискотеккой, американским сетевым кафе... Та же судьба постигла ведомственные дома культуры. Ушла культура праздничного долгожданного посещения отдельно стоящего здания с собственным садом, буфетом, будкой киномеханика, откуда вырывался свет очередной киноленты, и, конечно, большим зрительным залом. Не поворачивается язык назвать кинотеатрами душные коробочки видеозалов с весьма говорящим названием «Мираж» при новомодных торговых центрах, чей репертуар заполнен оглушительными американскими боевиками, фильмами ужасов, недалекими комедиями и кровавадной анимацией...

Вон оно как все повернулось... А я ведь тоже пытался, пытался сеять разумное, доброе, вечное. В начале 90-х – вместо не укладывающихся в новые демократические рамки киножурналов «Советская Карелия» и «Фитиль» – я проводил в зрительном зале кинотеатра «Победа» кинолектории с детьми по правилам пожарной безопасности. После беседы обычно прокручивался сборник отечественных мультфильмов. По-другому – без организованного обучения маленьких людей основам безопасности – нельзя было заманить целые школы в пустующие и посему бедствующие кинотеатры.

Однажды после очередного противопожарного урока я остался в темном зале и присел на свободное место в первом ряду... Когда зажегся и запестрел цветными кадрами экран, я очутился в одном

из любимейших фильмов моего детства. Это был «Илья Муромец»! Среди богатых княжских палат, несметных полчищ вооруженных до зубов басурман, взмыленных коней и крылатых чудищ я видел только одного действующего героя – святорусского богатыря Илью Муромца в исполнении замечательного актера Бориса Андреева. Уже тогда сказочный богатырь, борясь с хищными погаными ордами, заповолившими русскую землю, копьем и палицей сражался с будущим задумавшим окаянное дело врагом – с нынешними разрушителями кинотеатров, библиотек, заводов и пашен, разорителями чуткого детского сознания, глубинной памяти, где славными именами «Победа», «Родина», «Искра» нарекались самые значимые, самые необходимые здания в державной столице, северном городке, пограничном поселке, южной станице... Уже тогда было страшно, что на смену величию «Победы», Мельницы Счастья «Сампо» приходит призрачный заокеанский «Мираж-синема»...

В год 70-летия Победы неизвестный смельчак написал на безликой колонне когда-то одноименного городского кинотеатра огненной красной краской восторженное, добытое кровью, как надпись на стене поверженного Рейхстага, слово «Победа!». Вот, нашлась, – подумал я, – в колоннах «Бессмертного полка» и рукоплещущих им людей, в группах карельских поисковиков и среди сохраняющих историческое наследие Отчизны горожан – еще одна непотерянная родственная душа, для коей велико значение нашей Победы.

СЛЕЗЫ ИСТИНЫ

Американская улыбка – нарицательный образ лезвие автоматического формализма, не располагающего, а отталкивающего от тебя человека.

Люди, населяющие 1/6 часть суши – Россию, не улыбаются без причины. Нашу улыбку надо заслужить. Любовью близких. Уважением друзей. Иногда она бывает горькой. Иногда бессильной. Порой саркастической. Но лживой – никогда! Механическая дежурная американская улыбка, нарисованная на лице движением мускулов и морщин, чтобы понравиться, расположить к себе несведущего незнакомца, показать, что у них все хорошо, – есть ложь! Ложь, отгораживающая человека от человека глухой каменной стеной.

Стене улыбающейся лжи противостоит поток искренних слез. Только искренние слезы – слезы радости и печали – омыают душу миром Божественной любви! Пусть даже невидимые – они пе-

реполняют собой kloкочущее сердце, через боль, через понимание, прижимая к нему незнакомого и такого близкого человека.

Но истинные слезы открываются только родным, верным людям...

Давным-давно, будучи еще неразумным крохой, я спросил свою вепсскую прабабушку Парасковью: почему Богоматерь на иконке такая грустная, будто собирается заплакать?

– А она плачет, – отвечала мне бабушка-вепсянка, – плачет за всех нас, как по своему сыну, за нас пострадавшему... Слезы по мужу – до нового мужа. Слезы по сестре – что летние росы. Слезы по матери – всенощные плачи. Слезы по сыну – до гробовой доски...

Сын бабушки Парасковьи, мой дед Александр, погиб под Берлином в мае 1945 года.

Без малого полвека прошло с того времени, как мы сидели с бабой Пашей на сундуке под старым киотом в горнице скрипучего деревенского дома, а я до сих пор помню ту тихую светлую бабушкину улыбку и устремленный на меня взгляд, взгляд – сквозь слезы...

НАТЕЛЬНЫЙ КРЕСТ

До недавних пор я и не знал, что такое сердце, с какой стороны оно находится.

Перешагнув пятидесятилетний рубеж, я стал просыпаться посреди ночи от внезапного удушья и липкого страха, и – тревожно, до дрожи в руках – вслушиваться в частое сердцебиение. Ужас, охвативший меня, не дает ни малейшей возможности успокоить, уберечь от стрессов и болезней этот теплый надорванный комочек: не виноватый ни в чем, а только слушающий мою волю, подчас взбалмошную, самолюбивую, склонную к слабостям человеческим...

Получив подтверждение прошедшего инфаркта, в приемном покое больницы с меня сняли все – до фигового листа – стянули с пальца даже обручальное кольцо («кольцо из желтого металла», как было записано в приемной квитанции), и то с пятой попытки, с мылом. Не сняли только каким-то чудом незамеченного нательного креста.

В полном сознании, подслеповато щурясь на мониторы операционной, я почти не чувствовал и лишь угадывал в загадочном лабиринте организма, как по моим венам движется спасительный стент, шаманят тонкие хирургические проволоочки, поднимается лекарственный раствор, медленно, но верно пробираясь к задыхающемуся сосуду, и кстати-некстати

высвечивается на экране прилипшее к взмокшей груди серебряное распятие.

За время полуторачасовой операции я вспомнил все простенькие молитвы, всю прожитую жизнь... И в одночасье, на середине пути, во время повторного неожиданно случившегося инфаркта я ощутил настоящую, не убаюканную лекарствами и чудесами, не уместающуюся в моем сознании, разрывающую все мое человеческое существо невыносимую удушающую боль!..

Закрыв в изнеможении глаза, я слышал, как умирала частичка моего сердца. Всего лишь полчаса. Целых полчаса...

Сердце человека – это маятник, маятник драгоценных земных часов, настроений и поведений, пристрастий и мечтаний, размеренного покоя и волнительных переживаний. Отбивает секунды, сокращает расстояния и продлевает движение метроном человеческой жизни – от тайного к явному, от ожесточения к добродетели, от осени к весне, от печали к радости, от мгновения к вечности, от глупости к мудрости, от рождения к смерти. И свидетель тому – скользящий по моей груди серебряный нательный крестик.

ЛОХНОЗЕРСКОЕ ЧУДОВИЩЕ

– Петруха, чудовище! Ты что же ничего с собой не взял? Где твой вклад в общий котел? Ты с чем на рыбалку приехал? С кефиром? Рехнулся, что ли? На наш хвост не надейся, мы его сразу обрубаем!

Возмущение рыбаков легкообъяснимо. Прибыли на живописное Лохнозеро – разлитую в чаше карельских скал лесную ламбу. Расположились на плоском гранитном берегу. Развели костер. Достали снасти, припасы – каждый взял с собой по две бутылки спиртосодержащей жидкости. А Петруха из рюкзака только пачку песку сахарного выложил. Лох, да и только!

– Ребята, вы того, не серчайте... – смущенно произнес Петр. – У меня еще с прошлого раза тут запас сделан. Муравьиный спирт! Двухнедельной выдержки! Айда за мной.

Этим предложением заинтересовались все, все четверо мужиков, приехавших на внедорожнике Петровича на летнюю двухдневную рыбалку.

Повел братву Петруха в лесную чащу и правда напрямик к большому муравейнику.

– Я еще в прошлый раз бидон пятилитровый сюда притащил, – продолжил свой шаманский рассказ Петр. – Черники в лесу набрал, в воду са-

хару бухнул, перемешал и в тепло поставил. Тут у меня все по уму. В крышке дыру просверлил, вовнутрь водоотводную трубку сунул. Вернее, не трубку, а шланг от бабкиной клизмы. Другой конец – в пластиковую бутылку с водой, чтоб варево дышало. Вон она, бутылка, за сосной в папоротнике спряталась. А муравьям и невдомек, что в их хате делается.

С этими словами Петя руку по самый локоть в муравейник погрузил и извлек на белый свет большой алюминиевый бидон с ручкой. Тяжелый. Крышку отворотил – тут и окутал друзей знакомый сладковатодрожжевой дух Петькиного «муравьиного спирта».

– Да это ж брага! Настоящая! Еще теплая... Ну, ты, Петруха, чисто Кулибин! До чего дотумкал: брагу в муравейнике настаивать – тепло и мухи не кусают! Температура-то там ого-го!

– А то ж, – отвечал довольный Петр, – в деревне вырос, соображение имеем!

Пошли обратно к костру. Черничную брагу пробовать.

– Не брага, а чистый уксус! – скривился после первой кружки Петрович. – Наверняка муравьи для крепости туда своей кислоты добавляют... Пойду я лучше окушков потягаю.

Плеснул в костер остатки сиреневой мути и пошел вдоль берега на знакомую луду.

– Ну иди, иди, – крикнул ему вдогонку Петр. – А брага моя немного до меда недобрала. Все по рецепту! Правда, сахару у меня тогда не хватило... Зато черника своей сласти добавила. Завтра перед отъездом еще бидон заварганю. Кому еще плеснуть? Только с бражкой осторожно надо. Она не сразу в голову бьет. С часик пускай усвоится организмом... А опосля можно сверху и водочкой полирнуть!

Вдохновленные «муравьиным спиртом» и предстоящей рыбалкой, закинули мужики удочки в тихую тростниковую загубину. Один, второй плотвой да ершом обрыбились. Не дождавшись поклевки, приободренный товарищами Петруха свернул удочку и отправился на другой озерный берег – вслед за Петровичем – по еще приметной в легких вечерних сумерках тропе...

Прошло время: треск, шум, вопли! Несется через лес Петруха и орет благим матом:

– Му-жи-и-и-и-и... там чудовище! А-а-а! Чудовище! Там на озере чудовище, му-жи-и-и-и-и!

– Да что ты кричишь как оглашенный! Что случилось, Петруха? Говори толком!

– Дак я и говорю, – отдышавшись, затараторил Петр. – Прошел я через лес. Озеро за соснами блеснуло. А на озере – чудовище! Стоит в воде белое, как огромное яйцо, и – дышит.

– Да, может, это вовсе не чудовище, а пень какой-нибудь или топляк...

– А-а, топляк?! Как услышало меня – в воду нырк, и поминай как звали! Чудовище это, как пить дать, чудовище! Выручайте, братцы! Я без вас туда один не пойду.

– Что, за удочку свою беспокоишься? Сожрет чудище твоё удилище.

– Да удочка тут ни при чем! Там Петрович рыба-чит! Выручать надо!

– Петрович – это другое дело...

Вдруг опять среди сосен тень замелькала, шаги послышались. Петруха за спинами ребят спрятался, голову пригнул.

Из ближайших кустов на берег вывалился Петрович, мокрый, злой.

– Тебе чего, Петрович, бражка в голову ударила, освежиться захотелось? Али ты тоже чудовище увидел? Петруха вон от страха в штаны нащенил. А может, с браги и тебе приспичило?

– Да какая брага... – махнул рукой безутешный Петрович. – Форменное безобразие – вот что это такое! Собрался я порыбачить. На место прикормленное вышел. Там камень удобный в двух метрах от берега. Так я до него в броднях добрал. Угнездилися. Пару рыбок поймал. Да комары меня донимать стали. На этот случай у меня простыня в рюкзаке припасена. Накрылся, стало быть, простынею с головой и рыбалю дальше. Только-только очередного ерша подцепить хотел, а этот – Муравьиный царь (Петрович грозно оглянулся на обалдевшего Петруху) – мне под ухо как гаркнет! Я от неожиданности с камня и навернулся, и сразу на глыбину. Банка с червями утопла, рыба из пакета ушла, а я – мокрый как цуцик – еле-еле за удочку упилающую ухватиться успел. На берегу из сапог воду вылил – и сюда... А вы какое чудище увидели?

Ребята впопыху:

– Ожидали чего угодно, но не такого концерта! Петруха, чудовище! Ты нас со свету сживешь своими закидонами. До дому не доедем, как есть, – помрем от смеха. На месте Петровича мы бы тебя тут в лесу и оставили – муравьями командовать.

– Ребята, да я ни в жизнь, – сокрушался о содеянном Петр, – да не со зла я! Чудо... тыфу ты, черт попутал. Я, если что, все для вас сделаю. Последнюю рубаху сниму.

– Рубаха твоя, может, и пригодится... А вот штаны подмоченные у огня сушить надо основательно.

– Да хватит, мужики, – встрял в разговор Петрович. – Петя, сходи в машину, принеси из бардачка бутылку. Надо для сугреву водки выпить. А то что-то продрог я сегодня...

И то дело. Разлили по кружкам бутылку. Переоде-ли Петровича в сухое – у кого что было. Мокрую одежду вокруг костра на колышках для просушки развесили. Под уху и разговоры еще пару бутылей раскатали. Петруха Петровичу то ушицы, то водочки подливал. Вину заглаживал. За беседой время тек-ло незаметно. Да отдохнуть добытчикам не мешало бы. В самое темное ночное время – кто в машине, кто у костра – на пару часиков спать завалились.

На утренней зорьке – пошла рыба! Плотва, окунь. Правда, в основном мелочь. Не больше ла-дони. В тот день никому из рыбаков лохнозерское чудище лесу не оборвало...

ПОПЛАВКИ

«Легко затеряться в соленом просторе,
Волна закипает, грохочет прибой.
И все-таки море останется морем,
И нам оставаться на вахте с тобой».

Из советской песни

Посреди океана, в крохотной одноместной каюте лесовоза – судна морского класса «Ленинакан» – на узкой заправленной койке сидели двое. Моторист и матрос. На откидном столике среди вскрытых кон-сервных банок и надломленных кусков хлеба возвы-шался алюминиевый чайник с булькающим на до-нышке разведенным спиртом. Моторист – невысо-кий сухощавый паренек лет двадцати пяти – болтал языком и не достающими до пола ногами. Матрос – двухметровый гигант с шаровидными мускулами – слушал говорильню запоздалого гостя молча, сосре-доточенно, прихлебывая чай из жестяной кружки, ко-торая целиком утопала в его огромном кулаке.

– Ну вот, подхожу я к стармеху и говорю, – продол-жал свой многократно повторяющийся монолог усугубивший изрядную порцию вечернего «чая» мото-рист: «Вы мне, товарищ старший механик, давеча новый топливный патрубок обещали. Старый сов-сем износился. Прошу вашего распоряжения вы-дать оное оборудование». А он на меня глаза выпу-чил и свистнул во все паровые клапаны: «Ну, ты да-вай!» – «Чего давай?» – спрашиваю. – Судно скоро в бессрочный дрейф ляжет, если патрубок не заме-нить, движок только чихать сможет, а не работать». А стармех опять щеки надул и выдохнул: «Ну, ты да-вай!» – «Да дали уж, дали копоты, приходи глядеть!» – пошел я в лобовую атаку. – У нас не лесовоз, а сплошное недоразумение! Еще в прошлый рейс ко-манда замаялась трюма драить, чтобы после си-лезского угля сахар на Кубе загрузить. И теперь после груза щебенки на тот же Остров Свободы зерно

везем! Две недели переборки вылизывали! Лучше бы топливную систему перебрали, пока ее коррозия не слопала!» А стармех знай талдычит: «Ну, ты да-вай!» – «Да нету у меня ничего, – взрываюсь я, – чтоб вам дать! Ни весу, ни росту. Кулачок сожмешь, а поднять его уж мочи нет. От однообразной и обрыд-лой пищи того и гляди ноги протянем! Почто вы кока, бывшего шеф-повара ресторана «Астория», для судна выписали? Ну накормил он нас раз или два фондю с черносливом да финтифлюшками кулинар-ными. А на третий день с морской болезнью слег. Был колобок розовощекий, да весь спекся! В виде вилка гнилой капусты его на берег сволокли. И пош-ло! Каждый божий день на камбузе – макароны по-флотски. Никто толком готовить не умеет. То пере-варят, то пересолят. Вот и приходится этот клейстер за борт вываливать. Вот вы, как представитель стар-шего комсостава, ответьте, когда на судне порядок будет?» Стармех зашипел еще шибче, соображает, что ему этакое здоровое и непреложное сказать на-добно, даже побагровел от натуги. И наконец выдал мне вместо топливного патрубка: «Ну, ты давай!.. Не разговаривай!» Развернулся и – нырк в свою каюту, как моллюск в ракушку. Двери – на ключ. И ни гу-гу. Как с таким руководством мы еще по морю ходим? Навалится какая-нибудь стихийная хренотень, шторм или пожар, – и все! Ни до кого не докричишь-ся! Где там SOS подать – пикнуть не успеешь, как на дне окажешься...

Между тем море успокаивалось. Почти не чувствовалась забортная качка. И только двух заси-девших за ужином приятелей слегка покачивал заваренный в чайнике хмель.

Моторист, перестав болтать ногами, заглянул под тощую матросскую шконку.

– А что это у тебя под койкой? Все время ноги за что-то задевают.

– Там тюки с «поплавками»...

– ???

– Ну, с костюмами спасательными. Прочными, легкими, непотопляемыми. И цвет у них примет-ный – оранжевый. В холодной воде в нем можно часами плавать, пока тебя корабль подоспевший не выловит. Натягиваешь комбинезон, застегиваешь капюшон до подбородка – и тепло, как у Аннушки! Мне их на хранение выдали. Правда, тут всего пять комплектов. Для комсостава.

– Это что? И стармеху тоже?

– Ну а как же? Все – согласно списку: капитан, старпом, стармех, второй штурман и второй механик.

– Та-а-к, – протянул моторист. – Стармеху кос-тюмчик непромокаемый. С подогревом. А коман-де что? Пятнадцати членам... экипажа!

– А команде – спасательные жилеты со свистком. Накинул пенопластовую безрукавку и сигай в волны. А там – свисти себе сколько душе угодно!

– А как же я? А ты, ты-то как? Если наша галоша воды нахлебается – всем хана придет!

– А что я, – оглядел приятеля распрямившийся и как-то сразу переросший свою тесную каютку матрос. – Я, случись что, первого, кто к этим комплектам сунется, вот этой самой рукой уеду! Так уеду, что он сам у меня за борт прыгнет, даже без спасжилета! Один «поплавок» – мой! И баста!

«Ну и мой – по умолчанию», – подумал про себя сметливый моторист, принимая во внимание хорошие приятельские отношения с «хранителем спасательных костюмов». У моря – свои законы...

Утром запыхавшийся лесовоз сделал короткую остановку. Его чихающий, дизельный, похмельный организм требовал передышки. Лежа в дрейфе, «Ленинкан» плавно покачивался на розоватых от восходящего солнца волнах. А рядом, в океане, плавали бледные осклизлые поплавки не усвоенных командою макарон.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОСМОТР

Довели меня дела сердечные до кардиологического отделения Республиканской больницы. После реанимации на резвой дежурной коляске протарахтел в общую палату. Неделю на койке провалялся. С товарищами болезными познакомился. О себе рассказал, их послушал. Кто, что, откуда. Один – армянин, в сапожной мастерской работает. Другой – белорус из лесного поселка. У окна – доцент, сын солнечного Узбекистана.

Напротив – кондоложанин. Хохол. Он сюда вне очереди попал. Да и то – операцию на глазу делать. Больной, который должен был в республиканку ехать, в последний момент отказался. Так вот, отремонтировал товарищ глазик, перед выпиской, опочивать собравшись, носок с правой ноги стягивает, а там большой палец – черный-пречерный. Сухая гангрена! Перевели его в хирургию. Только на койке обосновался, за книжкой к тумбочке потянулся – голова закружилась, бац – головой об батарею! Двух зубов как не бывало. Да что зубы! У него, болезного, обширный инфаркт от расстройств всяких образовался. Двадцать минут врачи дебелое бесчувственное тело мяти, ребра ломали, сердце «утюгами» высоковольтными заводили. А он в это время, как сам опосля рассказывал, в белом покойном беззвучном пространстве находился. И так ему было там хорошо и вольготно – ничего не болит, ничего не свербит

и денег не просит – что бедолага расстроился даже, когда его в чувство привели. Теперь надо ногу лечить, зубы вставлять да еще из-за больного сердца кучу дорогуших пилюль в себя каждый день запихивать! Сплошные расходы... Смешно, чудно и жутко маленько мне было такие откровения слушать. Уразуметь только: на том свете человек побывал, чуть-чуть там не пригрелся, а все жизнь ругает... Вместо того, чтобы – за разговорами – о таблетках не забывать, на процедуры не опаздывать и на осмотр лечащего врача вовремя прибывать.

Очередной утренний обход молодой врач-азербайджанец начал с обследования моей скромной персоны. Нашупав пульс, заметил, что количество ударов выбрасываемой сердцем крови должно быть не шестьдесят, а пятьдесят. Причем последнее названное число он произнес мягко, по-карельски – «пидисять». По этому признаку в любом городе России можно узнать обонежского земляка.

– Да вы, Абдул Мамедович, настоящий карел, – с уважением заметил я. – Правильно цифру «пятьдесят» называете.

– Да в моей родословной, – скромно заметил эскулап, – действительно есть мензурка вепсской крови, по бабушке...

Палата замерла... Все уже знали о моих вепсских корнях. Я учителю из Шелтозера, что на соседней койке обосновался, о них намекнул, а он, оказывается, читал мои произведения в вепсской газете «Кодима» и портрет видел. Вот ведь оно как – от читателей даже за стенами больницы не скроешься... И ребята, конечно, наши с Абдулом Мамедовичем откровения оценили и дружно выдохнули:

– Да обнимитесь же, братья!

Ну, болезные-шалыные! Им бы только над кем-нибудь подтрунить, позубоскалить! Доктора молодого в краску ввели, национального кадра... Вдруг он какие другие цифры на тонометре увидит? Не «шестьдесят», а «семьдесят»? Из-за таких шуточек и стенокардию заработать недолго. Лечиться надо, а не палату на уши ставить – да еще во время утреннего осмотра. Я так думаю...

РУБЕЖИ

Сижу с мамой и пятилетним сынишкой на тесной дачной кухоньке. Сын учится читать по слогам. Булькая из узкого горлышка пластиковой бутылки холодный спрайт, обращает внимание на этикетку:

– От-дых за ру-ру-бе-жом... Папа, а ты куда хотел бы поехать, в Африку или Японию?

Я промышал что-то невразумительное, удивленно глядя на сына. Не дождавшись ответа, тот в нетерпении стал теревить бабушку:

– Баб, а баб, а ты хотела б поехать за рубеж? Ну скажи, баб!

– Эх, милый, да я скоро буду за рубежом... За тем рубежом...

В печке потрескивали дрова, и, наверное, от дымной, простывшей за долгие зимние месяцы плиты слезились глаза.

Пройден не один жизненный рубеж. Вырос сын. Рано, один за другим ушли родители...

Дачным солнечным августовским днем, редким в это холодное лето, я заметил на кусте черной смородины сухую надломленную ветку, сплошь облепленную крупными спелыми ягодами. И – обошел ее стороной. Боясь дотронуться. Боясь всколыхнуть горькое забытое ощущение – невосполнимой утраты – и упредить неловкое прикосновение к осыпающейся черной траурной ленте, вплетенной в выцветший, перезимовавший под толстым слоем снега венок на маминой могилке.

ЖУЖИК

Работал в одной охранной фирме вредный мужик. Иван Жужик. Жужжал этот кругленький юркий человек на уши начальству обо всех работниках предприятия и даже сторонних лицах, находящихся в стенах охраняемого объекта, одни нелецеприятные вещи. Мол, лодыри и бездари вокруг его непревзойденной и в доску верной фигуры толкуются. Исписывал Жужик в Книге сдачи дежурства целые страницы своими, достойными лавров Иеронима фон Мюнхгаузена, подвигами. И пожар-то он предотвратил. И потоп в туалете своими силами устранил. И двух драчунов-боксеров по разным углам курилки развел. А остальные охранники, выходит, круглые сутки баклуши бьют!..

Собралась как-то охранная смена в курилке перекурить со сменщиками, о житье-бытье поговорить. Один бойкий смешливый мужичок решил Иваново всезнайство проверить.

– Слушай, Жужик, анекдот украинский... Ты ридну мову розумєєшь?

– А как же! – не моргнув глазом соврал Ваня.

– Ну так вот, – начал насмешник свой анекдот, зная, что говорится в нем об одном и том же, да только на разных языках, – подходит украинец к русскому и говорит: «Кацап, ты не бачил по трахту¹ торбину², а в торбине поляница³ ботягом⁴ перетягнута?» Русский подумал и отвечает на смоленском говорке: «Ня, ня видел. Ляжит при дороге мяшок, вярєвкой перявязанный...» «Ни, кацап, це не мое», – покачал головой хохол...

После затянувшейся паузы Жужик улыбнулся, да так, что места между ушами едва хватило, и захихикал – тоненько, глупо, подобострастно заглядывая в глаза ухмыляющихся мужиков. А рассказчик и спрашивает:

– Что это, Жужик, тебя так рассмешило? Ты хоть понял, о чем хохол сокрушался?

– А то, – деловито отвечивал Иван, – турбину он от трактора потерял. Лопух!

Охранники в курилке – впокатуху! Жужик удивленно головой покрутил и поправился:

– Не, не турбину, он глушитель по дороге посеял...

Ребята чуть со скамеек от хохота не попадали. Жужик обиделся не на шутку и – настучал на товарищей по работе вышестоящему руководству. «Уразуметь только, – доложил в своем пространном пасквиле Жужик, – во время смены работники серьезного охранного предприятия ведут проукраинские, то бишь антироссийские, речи в грубой анекдотичной форме!»

Начальство, конечно, во всем разобралось. Приняло меры... Уже в следующую смену Жужика перевели на другой объект. А вскоре и вовсе уволили... по собственному желанию.

КОНТАКТ

Карелия – удивительный, освященный туристической звездой край для многих одержимых новыми местами и впечатлениями российских граждан. Порой и иностранные путешественники не брезгают нашим некомфортным сервисом ради общения с первозданной природой. Даже если на такой огромной лесной и озерной территории до цивилизации нужно добираться несколько часов, а то и дней.

Заказав туристическую базу в Медвежьегорском районе, войдя в компьютерную программу «Я турист» и получив СМС-уведомление об успешной регистрации на маршрут «Окунуться в мир путешествий», группа московских велосипедистов, одетых сплошь в черную эластичную облегающую форму, окунулась-таки в таинственную карельскую тайгу. Как говорится – вперед и с песней. Вернее, с верным навигатором. Правда, за сотню километров от базы, на обратном пути после посещения местной достопримечательности – заброшенной деревеньки с сохранившимися избами и деревянной часо-

¹ Трахт – дорога (укр.)

² Торбина – мешок (укр.)

³ Поляница – хлеб (укр.)

⁴ Ботяг – веревка (укр.)

венкой – велотуристы в лесу заплутали. До МЧС не дозвониться – связь отсутствует. Навигаторы сквозь тучи свинцовые к спутнику не пробиваются. Стрелка компасная ходуном ходит, «розу ветров» магнитной аномалией обдувает. Будто леший тропинки лентами замуравленными путает. А то еще какая-нибудь сверхъестественная ненормальность. Недаром в Карелии то метеорит упадет, то тарелка летающая над озером лучом шарахнет. А в августе на белые ночи надежды никакой, темнеет быстро. Тут запросто с валуном замшелым или деревом заваленным в «контакт» вступить можно. Включили ребята фонарики на шлемах. Выехали на дремучую лесовозную дорогу... Вдруг впереди движение какое-то – дедушка с корзиной из лесу вышел. Видит дед, огоньки круглые да высокие к нему в темноте приближаются. А шагов не слышно. Только шорох и шипение странное тишину таежную нарушают.

Подъехали москвичи к остолбеневшему грибнику и спрашивают:

– Куда это мы заехали? Где мы находимся?

Тут разом разверзлись непроницаемые тучи, заморгала, заверещала навигационная электроника, выпорхнул из-за верхушки ели прожектор луны. Дед такую навороченную технику отродясь не видывал, а тут еще в довершение всего пережитого над лесом заскрежетал бесстрастный механический женский голос: «Связь со спутником установлена».

Мужичок стянул с головы замусоленную кепчонку и со словами: «Это планета Земля!» отвесил путешественникам низкий земной поклон. Торжественно. Соответственно моменту. Не каждый день с инопланетянами в контакт вступать приходится.

Объясняться было некогда. «Пришельцы» жутко торопились на туристическую базу, где их давно ждали ужин и протопленная баня. Пути – судя по навигатору – еще добрых двадцать пять километров... Огоньки скрылись за поворотом, получив вдогон дедово крестное благословение.

ШУТНИК

Подъехал к остановке, к одинокой женщине, в пять часов утра прилепавшей с зонтиком и рюкзаком на условленное место, маленький автобус с водителем и экскурсоводом – в одном лице кавказской национальности. Девушка подошла к машине и спросила, вернее, постаралась вспомнить название экзотического горного плато, куда она купила экскурсию:

– Это автобус на Бергамот?

– Нэт! – прозвучал ясный и резкий ответ.

Женщина отошла, помялась в сторонке минут пятнадцать. И снова – с тем же озадаченным выражением лица – к водителю обратилась:

– А может, вы на Бегемот едете?

– Нэт! – последовал тот же лаконичный ответ.

Еще пятнадцать минут девушка стойко воздерживалась от вопросов, ежась от холода и с тревогой вглядываясь в утренние кисловодские сумерки, откуда выныривали и проносились мимо редкие ранние автомобили, и наконец не вытерпела:

– Но куда же вы едете?

– Мой автобус следует на Бермамыт, – гордо произнес мужчина.

– Да вы что, надо мной издеваетесь?! Я же туда и еду! – взвизгнула возмущенная гостья кавказских минеральных вод.

– Э-э, женщина, названия горные правильно произносить надо! В следующий раз вообще не повезу! – закончил начавшуюся было перебранку водитель, нехотя открыв пассажирскую дверь...

У КАЖДОГО СВОИ ПРОБЛЕМЫ

В прошлом году, будучи на Кавказе, посетил обсерваторию РАН на горе Пастухова в Архызе.

Рассказывая об устройстве шестиметрового зеркального телескопа и звездного неба, сотрудник научного объекта – по совместительству экскурсовод – упомянул о недавнем посещении обсерватории коллегами из Института изучения проблем Кавказа.

После проведенной экскурсии сотрудник обсерватории поинтересовался у коллег: обращают ли они свое внимание на социальные и экономические проблемы таких очагов международной напряженности, как Ближний Восток и Украина?

– Что вы! – ответили возмущенные ученые. – Мы изучаем только Кавказ! Ведь нас только семьдесят человек...

– А нас сорок, – подытожил свою мысль ученый-экскурсовод. – Хотя мы изучаем проблемы всей Вселенной...

Да-а-а, подумал я, не будь Вселенной, ученым нечего было бы изучать. Да и самих ученых на свете б не было.

КНИГОЧЕЙ

Я думал, что только в старых кинофильмах и потрепанных фолиантах под старорежимными твердыми потертыми обложками существовали книгочеи в толстых очках и тапочках на босу ногу, которые бредут, листая пыльные страницы, курси-

руя между книжными залежами, по своему рабочему диковинному кабинету и неизбежно спотыкаются о разновеликие стопки книг, налетают на этажерки и углы тяжелых книжных шкафов...

Я и не думал, что буду ходить по свалкам и библиотекам и приносить домой – охапками – выброшенные и сданные книги, литературные журналы, спасая их от погромов и сжигания на инквизиторских кострах современности. Не мой ли силуэт в тумане будущего пригрезился Рэю Брэдбери, когда писал он «451 градус по Фаренгейту»?

Я и не предполагал, что – в эру электронных книг – я сделаюсь неисправимым чудачком и – дома, в однокомнатной гостиной-спальне-кабинете – налетая на книжные «кирпичи», «пирамиды» и «арки», буду потирать ушибленные локти и досажённые коленки... И каждая прочитанная страница, заработанный синяк, вздох жены, предвещающий тираду о невозможности пристроить куда-либо свои вещи, будут прибавлять мне мудрости – отдать понравившуюся книгу в хорошие руки.

СТАРИНА

Издревле на Руси владели верным словом и сердцем
народным калики перехожие да гусяры былинные,
что по городам и весям песни-бывальщины
из уст в уста передавали, и была среди них
старина допрежняя да промыслов не потерявшая
«Про цареву силу и мужицкую выю».

— А мужицкая-то выя бороздами пошла, заморщилась шея крепкая, задубелая да обветренная! – то Степана Разина казачья удаляжили сильные узловатые под зипуном распахнутым не прятала;

– Ой, волнуется народ, шумит площадь стольная! – то Емельки Пугачева «царская» судьбина под рубашкой, со спины разорванной, напряглась, мускулами бугристыми вздулась;

– Рухнул трон державный, дрогнул мир православный! – то новому царю тоска-бессилье на белые груди голову уронила, чтоб слова лихие безбожные на губах затвердели, топоры зазвенели, чтоб Господни скрижали ала кровушка размыла, в бороздах запеклась...

Что дальше будет – про то нам неведомо... Вам жить, вам – хлеб есть и воду пить. Государя-правителя почитать. Токмо старина та досюльная таковыми словами завершается: силой и статью спина царская наливается, а сгибается над плахой – мужицкая выя.

ДИВАН

Я лежу на дачном диване, привезенным сюда после смерти деда, – с неизменными круглыми валиками, шероховатой обивкой – в мелкий зеленый цветочек и с продавленной серединой... Сколько раз забирались мы с братиком в пружинную яму, уместаясь в ней целиком – с ногами, мечтами, сказками, приключениями и удивительными снами... Скрипят старые пружины. Перелистываются сны, как павшая на пол дачная книга. В один тихий умиротворяющий благовест сливаются птичий щебет, жужжание шмелей и таракание триммеров соседей... Незаметно дремлющая пружинная колыбель и ленные летние звуки погружают меня в убаюкивающие сладко сплясывающие веки воспоминания детства.

Каждый год по весне я разыскиваю на расстроившемся до целого города, заросшем кустами и деревьями кладбище могилу деда. Вот – сдвоенная береза, вот – незаметный поворот, вот – тропинка между двумя соседними оградками. Неприютное, затененное, сырое место – грозит немолимой бессонницей и смутным беспокойством о неотвратимости завершения земного бытия...

Но летом, на даче, я снова и снова опускаюсь на глубину дедовского дивана в яму сновидений – и засыпаю все с тем же безоблачным детским ощущением окружающего мира.

КЛИНТУХ

Палата в кардиологическом отделении больницы, расположенной на краю лесного массива, отличалась от прочих виденных мною лечебных учреждений – огромным – во всю стену – уличным окном. Лежащий на крайней койке доцент-зоолог, распахивая окно в летний дождливый день, кормил голубей. Вследствие его ежедневных наблюдений выяснилось, что к нашему окошку стал прилетать клинтух – лесной голубь. Осторожно, со стороны, оглядывая человека черными бусинками глаз, птица цеплялась лапками за скользкий карниз и пыталась сесть поближе, поближе к рассыпанным на жести крошкам, но была теснима более крупными, оранжевоглазыми, городскими... Тогда доцент стал брать его в руки и кормить хлебом со скудной больницы пайки, отдельно, на широком подоконнике.

Постепенно голубь и человек прониклись друг к другу взаимной симпатией.

Когда сквозь дождевые тучи пробивалось ласковое солнце, клинтух первым стучал клювом в запанное стекло. И новоиспеченный друг тут же открывал перед ним оконную раму, не боясь досужей

приметы – не запускать в комнату птиц... чтобы они никого с собой не забрали. И голубь, будто понимая высоту оказанного ему доверия, шел только в добрые руки человека, не делая далее ни шага...

И все бы ничего, если б – не больное сердце, перспектива – простуды во время невольного сквозняка и... уделанный пометом жестяной карниз.

КУЗЬМА КУЗЬМИЧ

Есть места, отмеченные Богом...

Отвечая ереси иной,

Колесит по северным дорогам

Человек системы водяной.

«Водяной» на водах марциальных

За хозяйством вверенным следит:

От замен-ремонтов капитальных

До трубы, что за полночь гудит.

И дорог исхожено немало:

Не один курортный километр.

«Водяной» махнет рукой устало:

«Если что – возьму велосипед...»

Много дел на маленькой насосной...

Раскрутив на спуске солнца диск,

К трелям птиц и шуму ветра в соснах

Подберет свой ключик мелодист.

«Водяной» и мелодист – это я. Алексей Федоров. Много лет я в санатории «Марциальные воды»⁵ водоочистными сооружениями заведовал. Заведовал, ибо сейчас на заслуженном отдыхе пребываю. А стихотворение с тех пор осталось – его один вологодский поэт, вдохновившись местами дивными и водами Первого российского курорта, сочинил. Торжественно, после вечера в Музыкальном салоне при санатории, мне самолично слова эти подарил. А мелодист я потому, что на хорошие стихи мелодии подбираю, на гитаре, и перед водной публикой озвучиваю. Природа карельская, по-видимому, нужные нотки на ухо навистывает. Санаторий-то в лесу стоит. До ближайшего строения – насосной станции – три километра топать. Стихи на музыку переключивать.

Хорошо на водах марциальных! Хорошо снежной зимой и звонким комариным летом. Хорошо и поздней осенью, когда остывает солнце и ватную сонную траву сковывает иней. Еще не подул вольный северный ветер, не намел непролазные сугробы, не укрыл белой шубой заиндепевшую позолоту. Бело-зеленое кружево обрамляет шуршащую, накрахмаленную инеем тропинку. Будто сама Земля, белолицая невеста, протягивает украшенный дивным подзором рушник могучему великану –

триобхватному сосновому кряжу. Теплая червляная кора – кольчуга древнерусского воина. Красные бугристые сапоги. Облитый солнцем богатырский шелом. Ветви, как заткнутые за пояс ножи. Поднята на плечо тяжелая палица. Плащ сверкающей смоляной лавиной стекает в распадок с журчащим ручьем. Тихо на сердце. Тихо в природе. Спит за зеленым косогором северный ветер.

Отоспится ветер. Выдует из осинника последние зябкие листья. Полетят над землей белые мухи. В доме моем – при санаторском поселке – тепло. А прогуляться захочется – лес за калиткой. Поброжу по лесным тропинкам, а потом у окна струны гитарные перебираю. Нет-нет да и на улицу гляну...

Идут по двору два старика. Одного зовут Василий Кузьмич, или просто Кузьмич, а второй – друг его закадычный – пёс по кличке Кузьма.

Это сейчас он Кузьма, а пятнадцать лет назад был шустрым щенком Кузей. Уж где Кузьмич Кузю подобрал, неизвестно, только дружба у них была не разлей вода. Кузя, словно хвостик, от Кузьмича ни на шаг не отходит. Каждый день, в любую погоду, утром вместе идут на работу, вечером – с работы.

А работал Кузьмич в гараже санатория «Марциальные воды» трактористом. Работа в основном на улице. Снег чистил. Тяжести разные на прицепе возил. А чтобы Кузя – рыжий кутенок – не замерзал, будочку ему соорудил рядом с гаражным ангаром. Пока Кузьмич свой чиненый-перечиненный «Беларусь» латает, Кузя из будочки за процессом оным наблюдает, всегда в поле зрения держит своего друга. Заведет Кузьмич трактор, отправится по делам, следом за ним Кузя. Туп, туп, туп – тарыхтит неспешно старая колымага. Тёп, тёп, тёп – семенит рядом довольная дворняга.

Помнится, зимой дело было. Ночь карельская – к районам Крайнего Севера приравненная – из тьмы крошечной на три часа днем белым сквозь веки дремотные глянет и опять в сон непроглядный проваливается. Мороз – градусов тридцать. А у нас – труба лопнула под землей. Трассу от Габозера – озера, питающего санаторские железные артерии, – по болоту прокладывали. Вот трубы туда-сюда и ходят. Пока место нашли, пока снег расчистили, пока дождались Кузьмича, который на своей машине нам доски доставил, замерзли изрядно. Мужики из моей бригады костер разожгли, землю отогревать стали. Ну, тут и самим отогреться надо. А я не возра-

⁵ Марциальные воды – железистые минеральные источники под Петрозаводском, названные Петром I в честь бога войны и железа Марса.

жал, по чуть-чуть даже очень необходимо. Тепло от костра, тепло изнутри пошло. Кузя у ног Кузьмича устроился. Хорошо стало! Но ненадолго...

Землю вскрыли, дефект обнаружили, трубу заменили.

– Ну, теперь, Кузьмич, твой черед – зарывай назад! – говорю.

– Покурить бы надо, прежде чем дело важное начинать. А то удачи не будет, – степенно ответствует Кузьмич.

– Нет уж! – тороплю я. – Давай работу закончим, потом дымить будешь, хошь в самоварную трубу табак заворачивай!

Забрался Кузьмич нехотя в кабину, завел машину, фарами совиными людей ослепил и... двинулся в нашу сторону.

Вместо привычного – туп-туп-дыр-дыр, туп-дыр-дыр, вдруг взревел двигатель, и рванул трактор как взбесившийся конь. Летит прямо на нас! Снег – фонтаном во все стороны. Мужики кто куда посыпались. Еще через мгновение и я кувыркнулся: голова в сугробине, валенки – наружу. Вскочил на ноги, глаза протер – «Беларусь» мимо скачет, уминая под себя сугробы, свернул за угол санатория и скрылся из виду.

Две секунды ошалевший друг Кузя оценивал ситуацию. Видит – Кузьмич без его пригляда во тьму сиганул. Рванул пёс с громким лаем вдогонку и тотчас исчез в снежной пелене. Мы даже не успели понять, что произошло, как снова услышали рев мотора, и с противоположной стороны корпуса вывернул трактор. Ревет. Сугробы уютжит. Сквозь мрак взвихренный светом плюется. И прёт на нас очертя голову.

– Стой! Стой! – орут мужики.

– Не оста-а-а-влива-а-а-ется!!! – возопил в ответ ошалевший Кузьмич. – Заело у него там что-то...

Железная махина прогрохотала и снова скрылась за углом здания, следом с диким воем прокатился снежным рассерженным комком Кузя, стараясь не отставать от неугомонной машины.

Опомнились мы на третьем круге заснеженного ипподрома. Мужики орут:

– Сколько у тебя соляры?

– Полный ба-а-а-а-к!!!

Кузьмич и Кузя пошли на четвертую ходку. Теперь ору я:

– Собаку, собаку держите! Издохнет ведь животное!

Только трактор вынырнул из-за угла, а мы уже наготове, навалились вместе на Кузю. Но не тут-то было. Вырвался пёс, выскользнул как-то и – улетел следом.

Еще две попытки остановить собаку оказались безуспешными. Только на восьмом круге обессиленного пса удалось прижать к земле. А он уже и вырываться не мог, и лаять не мог, и даже не скулил. Разве что вздрагивал и стонал всякий раз, когда Кузьмич лихо прогромыхивал мимо на своей разъяренной колеснице.

Тут время к окончанию ужина подошло. Отдыхающие на шум потянулись, вначале один-два, потом с десятков человек. А вскоре слух по корпусам пронесся, что местный культмассовый сектор на свежем воздухе аттракцион бесплатный для водной публики показывает. Мото-тракторо-родео. Дежурный персонал, охранники и повара происходящим заинтересовались. Толпу организовали. Тут и советы из толпы посыпались.

– Кузьмич! Ты машину-то к стене бассейна подводи, подводи. Упрёшься мордой в стену, авось остановишься!

– Кузьмич! Не смей! – кричит вдогонку начальник гаража. – Угроишь технику!

– И то верно! Пусть в лес сворачивает. По флангу – может, и прорвемся. А в лоб – без бассейна останемся.

– Не, хорошая техника – во прет! Как самолет – пока топливо не выбросит...

– Да какая это техника! Развалюха! На чём придется работать! – послышался ропот со стороны разгоряченной бригады.

Начался стихийный митинг. Как на грех тут и директор санатория появился. По делам бухгалтерским в кабинете задержался. Вовремя не уехал. Народ зашумел, претензии посыпались, страсти накалились. Пациенты ставки на тархтелку делать начали: сломается – не сломается, дойдет – не дойдет. Друг друга за грудки хватают. Уже и про трактор с Кузьмичом забыли. Опомнились, когда вдруг тихо стало. Повернули головы – ткнувшись носом в бугор пожарного водоема, попой кверху стоит среди заснеженных елочек злополучный трактор, отдыхает. До звезд паром морозным воскурил. Как уют угольный. А счастливый, визжащий от радости Кузя уже в кабине лицо Кузьмича горячим языком лижет.

– Всё. Кончилась соляра. Дайте наконец закурить! – оторвавшись от бесконечных собачьих нежностей, возмолвил Кузьмич.

Долго он за папироской ездил. Проспект для гуляющих-отдыхающих вокруг зданий санатория накалал. Бесплатно. С дальнейшим вычетом израсходованной солярки из заработной платы...

Хорошо, когда так верно и долго люди и животные дружат. После того случая поселковые псы, за товарища изболевшегося, уважительно величать стали: Кузьма Кузьмич... От встречи с друзьями, тонкопё-

рыми сосенками на пригорке, блеснувшим в чепурыжнике лесным озерцом, высыпавшими на тропинку красногрудыми снегирями – внутри какая-то душевная пустота рассасывается. Тепло щекотное к глазам подступает. А сердцу хочется песен, и чтобы звучала в них нескончаемой музыкой – родная Карелия, любимые марциальные воды...

В распахнутую форточку ворвались волны ранней карельской осени. Холодит кожу, пощипывает легко вздымающуюся грудь настоль прелой листвы, грибных урочищ, сырого тумана, горьких болотных трав... Леса, озера, скалы, мшистые болота, наполненные стрекотом и уханьем жизни, любовью вросших корнями в трудную карельскую землю людей и растений, окатывают живое, восторженное, трепещущее существо сладкими запахами всех четырех времен года: брызгами вспененной белой черемухи, всполохами темного грозового озера, бирюзовыми переливами росного луга, осенним ветром, тонкими белыми кружевами заиндевевших крон – еще и еще раз возвращают сердцу чувство яркого земного счастья.

*Ждут меня марциальные воды...
У знакомой петровской сосны
Лебединые ждут перелеты,
Соловьиные песни весны.
Вскоре настежь откроются двери,
Ключ прохладный замок отомкнет...
Я боюсь в свое тихое счастье поверить:
Здравствуй, Первый российский курорт!
Я попал под влияние Марса,
Не стесняясь о том говоря,
Где бы я на планете Земля ни вращался,
Возвращаюсь в родные края!*

АРТИСТ

Бежали дачники по лесной тропинке сломя голову! Ором кричали. К околице высыпались – туда-сюда покрутились – к площади заспешили, в магазине за прилавком спрятаться. Да и было с чего запыхаться! Артист-то наш – учитель музыки, как занятия в школе закончились, – свинку свою погулять вывел. Вывел, да той по лесу шастать надоело. Покинула она своего непутевого хозяина и – домой подалась.

А свинка та особенного – клыкастого рода. Прошлым летом мальчишки стадо кабанов на озере спугнули: все мохнатые сородичи в лес ушли, а один крохотный кабаненок в воду бросился. Там его сорванцы и сцапали. По дороге учителя музыки встретили. Тот от подарка не отказался.

Так и появилась в нашей деревне кабаниха Машка. Правда, сарая у учителя – да и вообще хозяйства никакого – не было. Так что держал он свинью у себя на съемной квартире, отведенной постояльцу в половине бабы Валиного дома. Дикое животное на диво быстро одомашнилось. Вес набрало. За учителем, как собачка, бегала. Артист – одинокий молодой человек – удивительным образом к своей животине бессловесной привязался, обучал ее нехитрой деревенской культуре: куда ходить, что есть, где спать. Ребятишки деревенские его уважительно дрессировщиком величали. Да как был артист пустяшным человеком – так им и остался. Когда пришла зима, все больше в школе задерживался, говорят, у местной учительши математики ночевать оставался.

Машка скучала – в окно над кухонным столом глядела. Половики возле порога пяточком рыла. А то и голодала несколько дней. Баба Валя, что в соседней половине проживала и страдания кабанихи через стеночку слышала, – двери своим ключом открывала и кормила болезную чем могла... Учитель-баламут, как домой заваливался – с морозца, веселый, вместо того чтобы корытца пустые да места отхожие в порядок привести – сразу за валторну брался. Он при районном Доме культуры в похоронно-свадебном оркестре подрабатывал. Сядет на лавку и ну дудеть! А Машка пляшет вокруг него, в ноги тычется... гулять зовет. Повесит артист инструмент на гвоздик – на двор, стало быть, пора. Шли в лес, что до озера ближайшего стеной стоит. Красуется. Вершинами перешептывается. Кабаниха вдоль тропки километра полтора по снегу напашется, устанет и домой повернет. Самостоятельная. Зимой народу в лесу еще поискать надо. А по весне – дачники в деревню с ближайших городков стекаются. Вот тогда и начинается потеха: тикают городские от дикого кабана – семенит он себе по тропке, первоцветы обнюхивает – так, что только пятки сверкают!

Туда-сюда – весна, а затем и лето северное отбарагозило... Районная власть при развитом социализме больно строгая да принципиальная была – все жалобы и сигналы учла и приказала дрессировщику животину усмирить, условия для нее подобающие сколотить и оформить. Почесал учитель затылок, на ракушке своей медной вечерок посипел и решил Машку охотникам местным сбавить. Собак натаскивать. Там и сарай теплый имеется, и кормят регулярно...

Избавился артист от кабаньей привязанности, а беспутства своего не бросил. Задумал трудовой молодежи, от незлобивой Машки по кустам шарахав-

шейся, «свиною» подложить. Напугать по-серьезному, до детской неожиданности.

Давно заприметил проказник по пути в соседнее село огромную топкую лужу. Разливалась она среди соснового леса поздней осенью или половодной весной. Было сие водное препятствие таких выдающихся размеров, что казалось скорее небольшим озерцом, нежели проселочной дорогой... проходящей в этом месте через старый деревенский погост. Ходил учитель той жуткой, короткой и вязкой дорогой несколько раз на дню: то на занятия в школу, то в клуб на репетицию. Стрательно огибал лужу, цепляясь за разномастные могильные оградки, осторожно переставляя ноги между оплывших холмиков, бедных надгробий и покосившихся голубец-крестов.

В один иссиня-черный октябрьский вечер, возвращаясь с очередной клубной халтуры, артист, поскользнувшись, так бы и похоронил в вездесущей луже свою кормилицу-валторну... если бы непроницаемый, плывущий вдоль подтопленных могилочек футляр не блеснул в темноте никелированными застежками, отражая бледный огонек господней зажигалки.

Темнотища. А что если... Учитель шагнул в калитку идущей вдоль лужи оградки. Запахнул темный концертный пиджак. Надвинул на глаза неприметную шляпу. И – скрылся в нише кладбищенского мрака... С танцев потянулись домой, в деревню, запоздавшие парочки. Парень с девушкой, привычно перебирая штaketник, приближались к середине лужи. И вдруг... Истосковавшийся по острым шекспировским ощущениям артист, перед тем до мертвящего холода остудив ладони на каменной плите, перехватил в темноте нежные девичьи руки и безмолвно потянул за собой, как будто в могилу... Вы сами понимаете, что потом было. Молодые люди, не замечая ни лужи, ни темного леса, в три прыжка доскакали до дремавшей в неведение северной деревни.

Несколько раз повторил артист понравившийся ему «потусторонний» номер. Крику и брызг было предостаточно. Лишь однажды ражий, подготовленный «промокшими» сотоварищами Ромео успел схватить «упыря» за обшлага концертного пиджака и поставить дюжину отметин на удивленном интеллигентном лице – посредством неоднократного сближения оно с шершавыми клавишами раскаченной ребристой ограды.

Через неделю непонятый, поцарапанный и грубо обиженный на недалеких сельчан учитель музыки, получив расчет и собрав свой нехитрый домашний скарб, подался в районный центр. Устроившись в городском общежитии, валторнист поступил на работу в оркестр народных инструментов.

И через десять лет приехал в нашу деревню в смокинге, бабочке и звании заслуженного работника культуры! Туда-сюда по деревне прошелся. Павлином в лакированных штиблетах. Бабе Вале пряников и шампанского купил. Мол, знайте – какого ценного кадра по недомыслию своему лишили, деревенщины! А когда мужики у магазина хозяину шикарных штиблет культурно намекнули, что пора заслуженному «дрессировщику» лужу кладбищенскую на глубину проверить, в город засобирались... Артист, одним словом! Артист.

САМЫЕ СЧАСТЛИВЫЕ ЧАСЫ

Давно уж крутится в голове рассказ о твоём детстве. О начале жизненной дороги. О небольшом ее участке – четырехкилометровой грунтовке – от железнодорожной станции до нашей орзегской дачи. Я и сейчас хотел бы повторить тот путь: с остановками – по грибы и ягоды, водопоем у лесного ручья, косяками перелетных птиц, незаметными поворотами и потаенными тропинками, наполненными удивительными, придуманными на ходу сказочными историями...

Самые счастливые часы жизни – вечер пятницы, полновесная суббота и дообеденный воскресный день – пролетали незаметно за разговорами-хлопотами, сбором перезревшей, уже тронутой желтизной черноплодной рябины и вишневого листа – для «фирменного» компота, раскошегариванием дровяной печи, бесплодным сидением с удочками на лесной ламбе и долгожданным вечерним просмотром «доперестроенных» диафильмов... Сладкий компот отдавал горчинкой – без бабушкиного пригляда. Кирпичная печь поддымливала – без дедушкиного совета. Не было рядом двух добрых отзывчивых людей, оставивших на нас, неразумных детей, покинутую ими дачу, дорогу, землю...

В некотором царстве –

Осень, не иначе:

Сумерки и листья шепчутся в лесу.

По субботам чаще

На семейной даче

Держат две кастрюли простынь на весу.

Крутим диафильмы...

Свет пылинок млечных,

Вспыхнуло окошко в серых дебрях куш,

Дедова рябина

Держит мир за плечи:

Детские макушки задевает луч...

*Отгорят, взвихряясь,
Буковки кривые:
Только на секунды замирает жизнь...
Вдруг они нас слышат?
Вдруг они живые?
Тихо... Слушай сказку и – не шелохнись...*

В воскресенье мы должны были успеть на дневной пригородный поезд. Обратная дорога была не такой интересной. Я постоянно обрывал твои восьмилетние фантазии и просьбы рассказать продолжение историй о нашем выдуманном герое – тряпичной кукле – Пуппи-Друппи, поторапливая твои неспешные шаги, привлекая твоё восторженное невнимание тревожным гудком тепловоза, подъезжающего к железнодорожной станции Орзег...

Как бы я хотел отпустить из груди тот страх – опоздать на поезд, подвести тебя своей беспомощностью и ротозейством, перспективой вернуться на осеннюю дачу без продуктов и возможности сообщить родным о нашей задержке. Мне стыдно за себя... Мне радостно за тебя, за твоё ничего не замечающее, самые беспечные, самые счастливые часы детства – короткого четырехкилометрового отрезка времени на всем долгом жизненном пути, когда важнее страхов, неурядиц, падений в заболоченную мелиоративную канаву, битвы с пауками в сумрачном дощатом сарае, всей правды жизни – были сказки о Пуппи-Друппи, необыкновенные приключения армии дачных игрушек, красочно оформленные тобой на альбомных страницах, и – наша чудесная тайна!

Мой мальчик! Я хочу, очень хочу, чтоб вместе со мной – время от времени – ты возвращался на дорогу орзегской сказки, принимая как должное отцовскую заботу и неприметную любовь, возвращался к тем замшелым тропкам и скользким мосткам, мерилам и ценностям, где ты приобщался к окружающему миру, впитывал добрые знания земли, ощущал вкус родниковой воды, радовался последнему осеннему теплу. Креп душой и мужал сердцем. И пусть на этом пути тебе сопутствует удача, на картонном, на вечном щите которой сияет триединый жизненный девиз: «Юмор и Мудрость, Фантазия и Честность, Любовь и Воля».

*Сыночек, гуси в вышине! –
В твоих рисунках осень...
Не спрячут шапка и кашне
Родимой дали просинь,*

*Что так близка глазам твоим,
Но птицам в ней теплее –
И с каждым годом ранний клин
Любим еще сильнее.*

*Разлитой краски не жалея –
Зеленой, жёлтой, алой:
Чудесный, нежный свет пролей
На этот мир усталый.*

Олег Эдуардович МОШНИКОВ

родился 1 ноября 1964 года в г. Петрозаводске.

*В 1988 г. окончил Свердловское высшее
военное политическое танко-артиллерийское училище.*

Подполковник внутренней службы в отставке.

*На данный момент продолжает трудиться
в одном из подразделений регионального МЧС.*

*Публиковался в журналах «Север», «Карелия»,
«Урал», «Уральский следопыт», «День и Ночь»,*

интернет-журнале «Пролог», «Юность»,

«Наш современник», еженедельнике «Литературная Россия».

Автор трех книг стихов и двух книг прозы.

Член Союза писателей России.

